

ПОДВИЖНОСТЬ ВЕРБАЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК СВОЙСТВО ЯЗЫКА И ВОЗМОЖНОСТЬ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

Л. Н. Синельникова

Луганский национальный университет

Корреляция «стабильное» – «нестабильное» в современной лингвистической ситуации характеризуется большей склонностью в пользу «нестабильного». Когнитивные основы изменения сознания в постсоветский период привели к переосмыслению старых семиотических значений, с одной стороны, и к возникновению новых – с другой. Получило резонанс слово, произносимое публично, и любое участие в общественной жизни требует теперь достойного использования слова, ответственности за сказанное как нормы социального поведения.

Ключевые слова: вербальная сфера, манипуляция сознанием, дискурс, когнитивный, симулякр

Корреляція «стабільне» – «нестабільне» у сучасній лінгвістичній ситуації характеризується більшою схильністю на користь «нестабільного». Когнітивні основи зміни свідомості в пострадянський період привели до переосмислення старих семиотичних значень, з одного боку, і до появи нових – з іншого. Набуло резонансу слово, промовлене публічно, і будь-яка участь у суспільному житті потребує тепер гідного використання слова, відповідальності за промовлене як норми соціальної поведінки.

Ключові слова: вербальна сфера, маніпуляція свідомістю, дискурс, когнітивний, симулякр.

The «stable» and «unstable» correlation in the up-to-date linguistic situation is characterized by a greater turn to the «unstable». Cognitive basis changes of public consciousness in the post-Soviet period have led to the emergence of new semeiotic meanings of old notions, on the one hand, and emergence of new semeiotic meanings, on the other hand. The word pronounced in public is resonant, and any participation in public life requires the ability to use the word with dignity, displaying responsibility as the norm of social behaviour.

Key words: verbal sphere, manipulation with consciousness, discourse, cognitive

Закончился многострадальный XX век. Начался XXI. У нового века ещё нет квалифицирующего эпитета. Эпитет – результат достигнутого знания, он не может быть футурологичным. Так что надо подождать. Отсутствует результативное знание и в оценке состояния языка. Пока неопределённость в языке и культуре осознаётся как постмодерн – культурно-текстовая опосредованность, цитатность, кич – акцентирование ироничного, трагедийного, пастиш – смешение жанров, попурри, стилизация и под.

«Гул языка» – метафора, введённая Бартом, для фиксации бытия вербальной среды [13, с. 184]. Через эту когнитивно объёмную метафору, кажется, можно «пропустить» торопливую и хаотичную современность, сметающую традиции, перекраивающую или отвергающую привычные дефиниции, ищущую новые объяснения тому, что было когда-то замечено и объяснено. В этих условиях ответить на вопрос, что есть лингвистическое научное знание, не просто. В духе нетривиального рассуждения М. К. Мамардашвили о философском научном знании: философия – это то, о чём говорят и чем занимаются философы [99, с.33], можно сказать: современная лингвистика – это то, о чём говорят и чем занимаются лингвисты.

В обширном реестре занятий – рассмотрение языка в качестве реального факта социальной жизни, анализ живого речевого материала. Проблема интерпретации происходящих в языке изменений может быть в той или иной степени решена лишь при условии фокусирования внимания на трёх составляющих: мир как он есть, как воспринят и как вербализуются представления о нём.

В описании процессуальности вербальной сферы обозначился ряд продуктивных исследовательских подходов. Когнитивное направление обеспечило лингвисту возможность обращения не только к семантике языковых единиц, но и к объективированным в языке структурам знаний. Когнитивные механизмы всё активнее интерпретируются через языковые явления. Мысль извлекается из словесной оболочки высказывания, она контролируется словом, представляющим различные состояния нашего сознания; через слово мысль становится доступной осмыслению.

В прагматические характеристики слова включается реакция интерпретатора (адресата) на знак. «Антропная проекция каждого фрагмента реальности» [1, с.26] ведёт к формированию языковых кодов, создаваемых на основе внутренней рефлексии, следствием чего является поиск новых означиваний и приспособление старых слов к новым реалиям жизни.

Семіозис – сложный процесс формирования значений знака, «фиксирующий сознание мыслящих и говорящих субъектов, погруженных в действительность, имеющих коллективное и индивидуальное сознание и как их часть – оязыковлённый ментальный лексикон» [14, с. 63], обнаруживает лингвосемиотическую природу языковых изменений нашего времени.

В рамках семиозиса можно говорить о слове как языковой репрезентации достигнутого в определённый период концептуального знания. Авторы посвящённой проблеме становления и развития когнитивной лингвистики монографии «Очерки по когнитивной лингвистике», говоря о соотношении концепта и слова, обращают внимание на существенные для описания процесса семиозиса исследовательские ориентиры: во-первых, «одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях репрезентировать, представлять в речи разные признаки концепта и даже разные концепты – в зависимости от коммуникативных потребностей, от объёма, количества и качества той информации, которую говорящий хочет передать в данном коммуникативном акте, и, естественно, в зависимости от смысловой структуры слова, его семантических возможностей»; во-вторых, «Концепты могут быть *устойчивыми* – имеющими закреплённые за ними средства вербализации, актуальные для мышления и общения, регулярно вербализуемыми, и *неустойчивыми* – не имеющими закреплённых за ними средств вербализации, нестабильными, ещё формирующимися, глубоко личными, редко вербализуемыми или практически не вербализуемыми» [11, с. 38-39].

Соотношение «устойчивого» и «неустойчивого» в современной языковой ситуации характеризуется большим креном в сторону «неустойчивого». Этот крен как выраженный «гул языка» многообразно проявлен в современных дискурсах. Именно в дискурсе как совместной речевой деятельности обнаруживается процессуальность вербальной среды, осуществляется возможность приписывания языковому знаку личностных смыслов, утверждается право этих смыслов принадлежать как говорящему, так и слушающему или только одному из них. Гибкость психики человека, соотносящегося через речь с другими людьми, коррелирует с гибкостью языкового знака, способного представлять разные реальности бытия; знак вне коммуникации и знак во время коммуникации (непосредственно концептуализированный) – далеко не одно и то же.

Изменения когнитивной базы общественного сознания в постсоветский период привели как к новой семиотичности старых понятий, так и к возникновению новой семиотичности. Соглашаясь с тем, что «Семантика общего языка лишилась былой идеологической упорядоченности», трудно признать, что общество от системы идеологем перешло к системе культурем – языковых единиц, семантика которых «соотнесена с ценностным объектом и лишена политических наращений и вкраплений» [8, с.183]. Идеологические фантомы неистребимы, как неистребимо желание и (или) необходимость воздействовать на общественное сознание, манипулировать им. Вряд ли можно говорить о переходе от идеологем к культуремам многих языковых составляющих современного политического (публицистического) лексикона.

Если присмотреться к дискурсам, включающим номинации общественно-политического характера, таким, как *переходный период, общечеловеческие ценности, цивилизованный подход, правовое государство, управляемая демократия, гражданское общество, радикальные социальные преобразования, смена курса, однополярный мир, властная вертикаль* и мн. др., можно увидеть все признаки идеологем: «размытую», диффузную семантику, способность манипулировать смыслом сказанного и, следовательно, сознанием слушающего. Родовой признак манипуляции – «некогерентность дискурса» [5, с.543]: отрыв слова от сути явления, возможность исказить реальность, мифологизировать представление о ней.

Слабая верифицируемость контекстом действительной жизни общества объясняет феномен семантической дихотомии: слово пребывает в двух пространствах – в словарной кодификации, ориентированной на этимологическую строгость толкования, и в объяснительных дискурсах так называемой «стихийной лингвистики». Экспликация «языковой интуиции» в дискурсе происходит в виде развёрнутого объяснения, метаязыкового комментария, рефлексивов [2; 3; 4; 15]. Обострение языковой рефлексии носителей языка, стремление самостоятельно (на уровне обыденного сознания) объяснить значение слова или выражения – своеобразная реакция на замечаемую обществом мимикрию понятий, их «неустойчивую» концептуализацию. Показательный пример – публицистический дискурс, толкующий понятие «переходный период»: «Конечно, на обочине прогресса мы не одиноки, но, пожалуй, только в Украине столь живуч миф о неотвратимости и даже необходимости трудностей «переходного периода». С одной стороны – внешней, он выполняет чисто пропагандистскую функцию, для того, чтобы получать займы и заманивать инвесторов; с другой стороны – для того, чтобы обнадеживать обозлённое и обнищавшее «население», обещая ему неминуемый экономический подъём лет через десять. Помнится, в самом начале «вползания» Украины в рынок её будущий лидер, считавшийся в то время главным оппозиционером, ошеломлённо спросил: «Куда мы идём?», на что тогдашний лидер нации вдумчиво ответил: «Мы идём правильной дорогой, но в неправильном направлении». Похоже, что за прошедшее десятилетие ни вопрос, ни ответ, к сожалению, так и не утратили своей актуальности» [16].

Непосредственная данность жизни включается в восприятие и толкование слов, фиксирующих определённое общественно-экономическое состояние в постсоветское время. Так, в Словаре [7] *приватизация* – переход права собственности частному лицу, в обыденном сознании – передел сфер влияния, процесс, способствующий формированию олигархии (отсюда «народная этимология» – *прихватизация*); *ваучер* в официальном толковании – индивидуальный приватизационный чек, в сознании общества – поручительство, не подтверждённое правовыми гарантиями, а значит, фантом, обман, нечто близкое к финансовым пирамидам; *инфляция, гиперинфляция* – обесценивание денег, но общественная оценка слов идёт по результатам: обогащение одних при резком ухудшении жизни других.

Характерна для нашего времени борьба за приоритетные позиции номинаций-синонимов. То, что в такой борьбе наиболее конкурентноспособным в большинстве случаев оказывается заимствованное в постсоветский период слово, также проявляет тягу политиков к словам с «непрояснённым» смыслом. Вот как оценивает конкурентную способность слов *лидер, электорат* С.Кара-Мурза: слово *руководитель* «исторически возникло для обозначения человека, который олицетворяет коллективную волю и создан этой волей. Слово *лидер* возникло из философии конкуренции. Лидер персонифицирует индивидуализм предпринимателя. Удивительно, как до мелочей повторяются в разных точках мира одни и те же методики. И в России телевидение уже не скажет «*руководитель*». Нет, «*лидер*» Белоруссии Лукашенко, «*лидер*» компартии Зюганов...»; «Когда депутат говорит «мои избиратели», коннотации слова указывают, что депутат – производное от того коллектива, который его избрал (создал). Выражение «мой электорат» воспринимается как «мой персонал» (моё предприятие). Электорат – общность пассивная и ведомая, она почти «создаётся» политиком» [5, с.93].

Для современного политического дискурса «характерна не только острая борьба за власть, но и борьба за власть номинаций, за власть в сфере обозначения и, тем самым, борьба за групповые ценности» [6, с.97]. Внедряемое в общественное сознание слово расширяет комбинаторные и деривационные возможности, помогающие понятию мимикрировать, получать желаемую для пользователей коннотацию. Ср.: *силы, которые сохраняются электорально; объяснить электоральные потери; электоральная идея; всё в ваших электоральных руках; электоральный рейтинг; электорат, исполняющий обязанности народа; мы не электорат, а народ.*

Рефлексия над языком – характерная черта постсоветского времени. «Стихийная лингвистика» использует языковую игру, настроенную на осмеяние, развенчание официальных сведений о слове, в качестве противодействия «здорового смысла» манипуляции сознанием. Метаязыковые фрагменты дискурса управляют внутрикоммуникативным поведением говорящих, помогают формировать определённое концептуальное содержание, организующее общение, создавать контекст непосредственной коммуникации.

Благоприятным полем для деятельности «стихийной лингвистики» является репризная среда – современный фольклор и юмористические жанры, в которых осваиваемые обществом заимствования получают оценку в духе «наивной этики», всегда стремящейся внести определённую в неопределённое (понятие «глас народа» существует с древнейших времён, и никто ещё не опроверг его справедливость): *Безусловно, всякий рад – мы опять электорат. /Снова выборы грядут – всем зарплату выдадут* (частушка, присланная на конкурс «Счас спою», объявленный «Комсомольской правдой»); *Мне нравится его имидж, но какая же розжа страшная!* (Арт-Мозаика 1999, №9); *Всё время хочется кому-нибудь секвестр на имидже сделать* (Г.Хазанов).

Современный политический дискурс освоил новый тип эвфемизма, способного не просто смягчить способ выражения, а любой ценой убрать конкретику. Показательный пример – предвыборные обязательства *пристойной зарплаты* или *сотрудничества со всеми здоровыми силами*. Такая эвфемизация сопоставляет политический дискурс с рекламным: *честный сок по честной цене, цены местные – качество европейское, цены вас приятно удивят, самые интересные цены, качество – супер, цены – очень даже* и под. Поистине эвфеминистический «пиар во время чумы» (выражение М. Казакова).

Означивание одного и того же процесса как *разговорывание газа, несанкционированный забор газа, маленькое воровство* нельзя оценивать в варианте «стилистических разногласий»: выбор номинации проявляет выбор политической позиции по отношению к предмету речи.

Когнитивная база эпохи во многом определяется содержанием и установками информационных технологий. Исследователи средств массовой коммуникации отмечают, что на Западе избирательные кампании являются принципиально телевизионными событиями. Похоже, что эта модель взята на вооружение и нашими политиками. Телевидение с его установкой на конъюнктурно-субъективный выбор и фрагментарность в подаче материала, на формирование *образа* реальности, поддерживаемого нескончаемой самореференцией (отсылкой не к реальности, а к самим себе, к другому телематериалу), справедливо трактуется как «архетипическая постмодернистская форма» [10]. Политические симулякры, выдающие за реальность то, что симулируется, трансформируют реальность, которую трудно отыскать за частоколом слов-фантомов, суггестивный напор которых столь велик, что общество уже перестало искать эту реальность. Массовая коммуникация всё больше превращается в функциональную альтернативу действительной жизни: слушают и говорят о политике много, вникают и понимают куда меньше.

Политические диалоги всё чаще организуются по принципам шоу-бизнеса, в результате чего голосуют не за кандидата, а за его имидж. Отрицательная оценка западных новостных программ, для которых характерна удручающая форма подачи материала, отсутствие последовательности, усиление банальности и тривиальности, превращающих дискурс в «опасную чепуху» [12], приложима и к нашему политическому теледискурсу. Эпоха симулякрума – подобия, видимости, мнимости старательно превращает «гул языка» в «гул сознания».

Честность – это не только декларируемый замысел, но и честная вербализация мысли. Публичное слово резонансно, и любое участие в общественной жизни требует умения достойно обходиться со словом, демонстрируя вменяемость и ответственность как норму социального поведения.

Литература:

1. Бардина Н.В. Языковая гармонизация сознания. – Одесса, 1997.
2. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.
3. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. «Стихийная лингвистика» // Русский язык сегодня: Сб. статей – М., 2000. – Вып. 1.
4. Вепреева И.Т. Рефлексивы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня: Сб. статей. – М., 2000. – Вып. 1.
5. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М., 2001.
6. Козлова Т.В. «Новые русские»: понятие и дискурс // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
7. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М., 2000.
8. Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня: Сб. статей. – М., 2000. – Вып. 1.
9. Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен. – СПб., 2000.
10. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. Методология анализа и практика исследования. – М., 2002.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.
12. Постман Н. «А теперь... о другом ...» // Массовая коммуникация в современном мире. Методология анализа и практика исследований. – М., 2002.
13. Постмодернизм. Энциклопедия / Составители и научные редакторы А.А.Грицанов, М.А.Можейко. – Мн., 2001.
14. Селиванова Е.К. Когнитивная ономазиология. – К., 2000.
15. Синельникова Л.Н. Метаязыковые суждения-комментарии как фрагмент языковой картины мира // Социоллингвистика: XXI век. Луганск; Женева; Цюрих, 2002.
16. Цыганов В. Старые песни о наблевшем // Собеседник. – 2002. - № 36.